

1/2017

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ,
ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРА МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ
КАЗЬМИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ДЕТИ ВОЙНЫ:
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОККУПАЦИИ

ВЕСТНИК МУЗЕЯ

ЦЕНТР МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ МБОУ СОШ №16 с.КАЗЬМИНСКОЕ
КОЧУБЕЕВСКОГО РАЙОНА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

ВЕСТНИК МУЗЕЯ

1/2017

ВЕСТНИК МУЗЕЯ -
Лауреат X Всероссийского конкурса
методических материалов в помощь
организаторам туристско-краеведческой
и экскурсионной работы с обучающимися,
воспитанниками
(Москва, 2012)

В НОМЕРЕ:

ЛЕСОВОЙ Н.И.
ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ОККУПАЦИИ.....3

ВЫСТАВКА
ЗАПОВЕДНЫМИ
ТРОПАМИ.....13

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ
ЧЛЕНОВ РВИО.....15

Фото на обложке: Н.И. Лесовой

ВЕСТНИК МУЗЕЯ - №1 (86) 2017

Казьминское: ИИЦ «Без названия»

- 16 с.: илл.

Год издания – десятый.

Научно-популярный,
информационно-методический журнал.
Предназначен для детей среднего и старшего школьного
возраста, преподавателей музейного дела, краеведения и
туризма.

Печатается по решению
Методического Совета школы

Редакционный совет ИИЦ «Без названия»:

Спиридонов А.В. – *руководитель
экспертного Совета ИИЦ «Без названия»*

Покасов В.Ф. – *научный редактор
ИИЦ «Без названия»,
кандидат исторических наук*

Учредитель:

Центр музейной педагогики
МБОУ СОШ №16 с.Казьминское

Редакционная коллегия:

Котов С.Н. - *гл. редактор*
Кондакова Т.А. - *шеф-редактор*

*Отдел музейного дела
и краеведения:*

Куламова Валентина
Цыганенко Максим

Отдел туризма:

Бонз Константин

Фотоотдел:

Куламова Валентина
Королёва Анастасия
Котов С.Н.

Адрес редакции:

357010 с.Казьминское,
Кочубеевский район,
Ставропольский край,
ул. Советская, 47,
3 этаж, каб. №39

Контакты:

8 (865-50) 93-4-64 (школа)

8-918-78-78-78-0 (редактор)

E-mail: musey16@mail.ru

Сайт музея: musey16.ucoz.ru

Группа ВКонтакте:

<http://vk.com/musey16>

ОККУПАЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЛЕСОВОГО

Враг наседал. Сдали Ростов. Немцы пробили брешь в районе Тихорецкой и хлынули на территорию Северного Кавказа. На наш посёлок Фабрика (*район г.Невинномыска – ред.*) надвинулась настоящая беда. С Запада с отступающими частями шел эшелон с боеприпасами. Чего в нём только не было: бомбы авиационные, снаряды артиллерийские, патроны разных калибров, взрывчатка. Дальше Невинки этот состав не отправили. Его подогнали сначала к разъезду Зеленчук, туда, где начинается железнодорожная ветка на Черкесск, потом осадили на подъездные пути мельзавода №1. Он стоял от самой ветки на Черкесск по всей мельничной железнодорожной ветке, это почти до самой Ивановской горы.

Естественно, составу положена охрана. Начальник охраны жил в четвертой квартире нашего дома. Я не помню ни его должности, ни звания. Погоны тогда еще не носили, в петлицах я не разбирался. Но ходил он в черной флотской шинели и фуражке. В руке всегда держал маленький чемоданчик.

Уже дней десять стоял состав, опоясывая наши дома. Не раз и не два бабушка спрашивала у офицера в чёрном: «Сынок, а не смерть нашу вы тут держите?». «Нет, нет, мать, - был бравый ответ, - вот дадут команду, в минуту выедем отсюда...»

Вот люди заметили, что колонны военных,двигающихся с гор на Невинку по Черкесскому шоссе, стали реже, затем совсем прекратились. Зато в обратном направлении поток стал гуще. Шли машины, военные конные повозки, колонны солдат.

**Николай Иванович
Лесовой,**
кандидат технических
наук, учитель физики
МОУ СОШ №16
с.Казьминского.
Родился в казачьей
станции Сторожевой.
Детство маленького
Николая пришлось на
военное время, о
котором он оставил
подробные
воспоминания, изданные
недавно в
г.Невинномысске.

Точного дня трагедии нашего посёлочка из 18 одноэтажных четырехквартирных домов не помню, но случилось это в день, предшествующий оккупации города. Получается, что пятого августа 1942 года. С утра состав, начинённый боеприпасами, пришел в движение. Паровоз подцепили со стороны черкесской ветки, и он потащил состав на главную дорогу. Далее его путь лежал бы через Кубанский мост, станцию Невинномысская на Минводы. На разъезде Зеленчук состав остановился, пропуская санитарный эшелон с ранеными, который шёл со стороны Армавира.

Встреча составов «состоялась» на мосту, лоб в лоб. Перекрыт путь отступающим частям и перекрыт надежно. В те времена не было ещё ни Невинномысского, ни Ставропольского каналов, и полноводная Кубань представляла серьезное препятствие. И в то же время сам путь, сам мост остались целыми. Немцы быстро сбросили застрявшие на фермах вагоны, сменили рельсы и через пару недель поехали. Из наших раненых мало кто остался в живых. Спасли тех, кто находился в вагонах, упавших на землю или просто сошедших с пути. Рассказывали, что тела несчастных еще несколько дней висели на фермах...

Железная дорога через быстрый и коварный Зеленчук, реку, которая сохраняет в себе ещё все приметы горной, надолго закроется. Поступили иначе. Состав вернули на прежнее место, снова опоясав посёлочек. Паровоз свистнул и ушёл.

По посёлку разнеслась молва: состав поджигают. Жильцы сбрасывали в мешки, корзины продукты, кое-кто успел поставить в корзинки готовую или почти готовую пищу с плиток, хватали детей и бежали прочь от посёлка в сторону Ивановской горы. О крайней спешке можно судить по фразе, которую бабушка произносила, когда после войны рассказывала об этом случае: «И карточки на стенах остались висеть».

У нас творилось примерно то же самое. Сбросив кое-что в мешок, взяв старшую сестру Нину за руку - девочка же,- мама и дети двинулись к дороге. Я семенял рядом.

Мы подошли к насыпи, остановились у ручейка. Дальше идти невозможно. Шоссе забито войсками. Они шли из города настолько плотно, что проскочить на другую сторону дороги не представлялось возможным. Надо ждать. Ждём. Много нас там собралось, ещё не успевших убежать.

Сзади ухнуло и здорово. Потом ещё и ещё. Нас бросило на землю. Невдалеке и рядом шлепались большие и малые железки. К примеру, вагонные колеса, кое-что летело и дальше. Взрывы разметали людей, стоящих на этой насыпи.

*Я очнулся на земле на этой же
стороне дороги, но под насыпью.
Ни мамы, ни Нины рядом не
оказалось. Шоссе совершенно
пустое. Ни солдат, ни машин.
Вскочил, перебежал дорогу,
побежал дальше к горе, потому
что сзади, за домами, рвалось и
полыхало пламя.*

Я очнулся на земле на этой же стороне дороги, но под насыпью. Ни мамы, ни Нины рядом не оказалось. Шоссе совершенно пустое. Ни солдат, ни машин. Вскочил, перебежал дорогу, побежал дальше к горе, потому что сзади, за домами, рвалось и полыхало пламя.

Карьер начинался метрах в двухстах от дороги. Глубоким его не назовешь, метра 2,5-3. По его верхней бровке прибежавшие сюда ранее люди уже успели выкопать неглубокие окопчики. Поперек их клали стебли подсолнечника, кукурузы, накрывали одеяльцем, чаще детским или покрывалом, набрасывали бурьян - вот и укрытие. От чего только? Ведь вагонные колеса долетали и сюда. Скорее, это маскировка, потому что невесть откуда появившиеся самолеты, видимо, разведчики, летали очень низко и постреливали. Прибежавшие позже старались соорудить хотя бы подобие шалашей из бурьяна, стеблей, уложить детей и пригнуть свои головы.

Вот к этой «укрепленной» полосе подбежал и я. Начал искать маму, перебежал от одной кучки людей к другой. При очередном мощном взрыве, видимо, взорвался вагон с боеприпасами, меня дернули за ногу и втащили в импровизированный блиндаж. Просвистели обломки, железки, осколки. Взрывы продолжались, но уже тише. Окопчик занимала семья, без мужчины, конечно. Тут же и дети совсем маленькие, и постарше меня. Одного из них кормили из ложечки.

Стало тихо. Только я выполз из укрытия, с запада прямо над горой появились два самолета. И сейчас не забуду этой яркой картины: круги винтов в заходящем солнце, отчетливо видны фигуры летчиков в больших очках. Они прошли правее, ближе к горе. Дали по очереди. При этом меня опять втащили в окопчик. Самолёты улетели.

Хотелось есть и пить. Меня накормили тыквенной кашей, дали попить и наверх не выпускали. Там я свернулся, чем-то меня прикрыли, и я проспал до утра. А утром меня нашла мама! Спасибо вам, люди добрые, я долго и часто благодарил вас!

Бабушка задержалась в квартире. Она сначала собрала нас, если то действие по хватанию самого необходимого можно назвать сборами. Что-то уложила в сумку еще, вышла на порог, закрыла дверь сеней. Сумку поставила у ног, левой рукой набросила цепок (так называют откидную защелку). Замок держала в правой. В этот момент грохнул тот самый взрыв, который разметал колонны на шоссе и нас уложил на землю, но бабушка находилась к нему ближе, чем мы, метров на сто. Вместе с оторванной дверью она отлетела, как она сама говорила, «саженей на двадцать», к следующему ряду домов. Окажись она ближе, ее бы забросало сметенной с крыши черепицей. Сознания бабушка не потеряла, на ушибы и синяки она внимания не обратила. Поднявшись, насколько позволял её возраст, побежала к горе, к карьеру. Маму и Нину она нашла быстро. И только тогда, вспомнив об оставленной на пороге сумке с продуктами, почувствовала, что в правой руке у неё замок...

Еще день и ночь люди не уходили из карьера. Но к своим домам люди уже наведывались. Побывала там и мама. Рассказала, что из 18 добротных домов уцелели, увы, два. Но жить можно только в одном. У другого смело половину крыши, как будто ножом срезало сени и торцевую стену. Уцелевшие дома находились на самом краю посёлка, ближе к главной железной дороге.

Ближний к составу ряд домов срезало и разметало. На нашем ряду стены повалило, и они надежно прикрыли то, что оставалось в квартирах. Дома третьего ряда оказались непригодными для жилья. С них сорвало крыши, выбило оконные рамы и двери, стены, обращенные к составу, повалены.

Состав дымился. При взрыве от его головной части оторвало несколько вагонов с авиабомбами. Немцы их «оприходовали». Их уложили штабелями около железной дороги, прямо напротив теперешней улицы Шевченко, накрыли, выставили охрану. У нас же будет повод вспомнить этот склад.

Много бомб разлетелось, не взорвавшись, довольно далеко. Их находили в кустах у реки. Снаряды летели еще дальше. Много, много моих ровесников, особенно - ребят постарше, поплатились за желание узнать, что там внутри. Наиболее опытные могли доставать из авиабомб взрывчатое вещество. Мы эту «деталь» называли «катушкой». На вид это полый цилиндр, сантиметров десять в поперечнике. Сделана «катушка» из хрупкого материала коричневого цвета. Ее можно легко разбить на куски. Этот материал хорошо и устойчиво горел. Вот была забава после оккупации: один закладывает в рогатку кусочки вещества, натягивает резинку, другой поджигает. И летит этот факел вверх ночью, будоража огнем стаи ворон на белолестках.

О патронах нечего и говорить. И после оккупации находили целые ящики, отброшенные взрывом, засыпанные и присыпанные землей, кучи их лежали вдоль ветки, наконец, они густо посыпали землю посёлка. Ещё пять лет разрешали нам вскапывать свои участки около бывших домов и сажать огородные культуры. Дома развалились, но водопроводная сеть осталась жива. В 1947, засушливом и голодном году, там поливали даже картошку, она нас крепко выручила. Особенно первые годы, копая огород, я всегда находил патроны: пистолетные, винтовочные, крупнокалиберные. Разламывал их, забирал порох.

Целый мешочек у меня его набралось. До 1952 года из трубок делали примитивные ракеты и запускали их, выбирая при этом безлюдные места.

Немцы заняли город. Взорвать всю фабрику не удалось. Кое-что можно было восстановить и запустить. Стоял гарнизон и на фабрике. Представляя сейчас размер колонны, которая каждое утро в четком строевом ритме перемещалась по стадиону (тогда мы это место называли Поляной, а сейчас там шумит детский парк), можно сказать, что стоял там батальон. На конном дворе и в гараже разместились техническая часть с автомашинами и ремонтной мастерской.

Хозяином в городе стал немецкий комендант, на фабрике функции коменданта возлагались на командира батальона. Связь с населением осуществлял староста, назначенный им же. Они и занимались размещением семей, оставшихся без крова. Происходило это размещение не в нашем советском понимании:

с заявлениями, характеристиками и заседаниями. Приходили к старосте, называли свободную комнату, число живых душ в семье и просили дать добро на ее занятие. Кто-то доложил старосте, что у просительницы двое детей, муж арестован этим летом, мать из раскулаченных.

Мы получили в этом доме квартиру из двух комнат. В длину они не превышали пяти метров, в ширину 2,5-3 метра. Одна проходная. Вскоре вторую комнату занял немецкий офицер. Что за служба у него, я не понял. Ночевал он редко. Приходил и уходил днём, хотя его денщик убирал комнату, чистил сапоги, мундир. Денщика звали Вилли.

Немцы пытались пустить шерстомойную фабрику. Всех женщин, работавших там до войны, собрали и обязали ходить на работу, они занимались расчисткой корпусов на территории фабрики. Работой руководили два немца, один военный, другой гражданский, оба отлично говорили по-русски. За работу немножко платили, чаще продуктами: мука, крупы, макароны.

Чем жили, как выжили? Прежде всего, оставалось немножко своей картошки, выкопанной около разрушенного дома, её берегли. На конном, в помещении гаража, обосновалась немецкая кухня. Там питались военные из технического и ремонтного персонала.

Маму, как и остальных женщин двора, после основной работы обязали мыть, чистить и приводить в порядок кухонный инвентарь. За это разрешали забирать картофельные очистки, из них Мурке варили поило. Иногда удавалось в очистки бросить несколько картошек, уже свою можно сэкономить. Мама в порядке очередности чистила котлы после ужина, иногда там можно было наскрести две-три поварешки первого или второго. Это считалось лакомством и шло нам, детям.

Сено в армии применяли тюкованное. Коней кормили хорошо, они голода не испытывали, а потому сено в яслях оставалось. Остатки сена, называемые объедьями, использовали на подстилку в стойлах, однако сюда уходила их незначительная часть. Поэтому остатки объедьев разрешали брать нашим людям, у кого остались коровы. Коровы остались не только у нас.

Ну а Мурка? Она нас кормила. Возможность потерять ее была значительной. Могли отобрать сами немцы, могла она понравиться полицаям.

Кстати, один из авторов доноса Иващенко, не взятый в армию по состоянию здоровья, работал кучером у Ивановского полицая. Мама и бабушка сделали ход конем: каждое утро половину удоя бабушка сама относила в столовую, через неделю почин подхватили, и это стало обязанностью всех владельцев коров. Так половина удоя обеспечила надежную охрану частным фабричным коровкам.

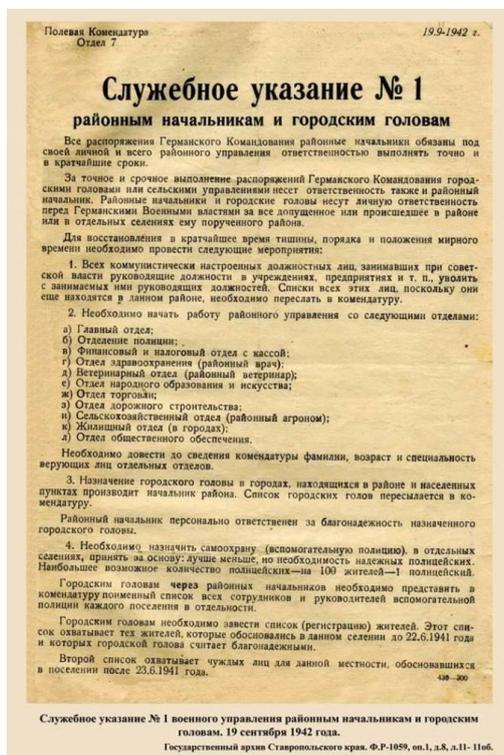
Начало оккупационной зимы оказалось необычно тёплым. Помню, что в конце декабря, под Новый год, 31 числа, стояло такое тепло, что немцы устроили на фабричном стадионе футбольный матч. На углах стояли флажки, футболисты играли в обычной футбольной форме. Их болельщики размещались вдоль длинных сторон поля, а мы, «болельщики» с конного, находились у угла своего дома.

На следующий день ударил мороз, выпал снег. И того, и другого оказалось больше нормы. Где-то я простыл. Добавим скудное питание, и я слёг. Случилось это после Нового года. Перед Рождеством я уже лежал пластом. Температура держалась высокая, я часто бредил. Не помогли ни компрессы, ни топленое молоко, ни иные хитрости бабушки. Положение мое становилось хуже и хуже. Я уже не ел, не пил, не реагировал на окружающих. Состояние достигло критического. Лекарств не было никаких. Вилли привел своего товарища, денщика военврача; его, денщика, звали Куртом. Он посмотрел и развел руками. Помощь пришла совсем неожиданно. Никто не знает, что и как рассказывал Курт своему офицеру, но на следующие сутки поздно ночью в дверь постучали. Вошел офицер, сопровождаемый Куртом. Наши сочли, что мой жизненный путь вот-вот оборвется, у моего изголовья уже горели свечи. Военврач осмотрел, послушал, из баула, который держал Курт, достал шприц. Сделал укол. Достал какой-то порошок. Велел развести водой и ложечкой давать мне. Бабушке оставил еще какие-то снадобья, приказал, чтоб утром достали пару яичек, взбили их с каким-то порошком и поили.

В себя я пришел через сутки. При свете керосинового фонаря я увидел наклонившуюся надо мной офицерскую фуражку. Потом он открыл ложечкой рот и посветил туда электрическим фонариком. Эта часть моего спасения запала в мою память глубоко, это я уже помню сам. Что было до этого, мне рассказывали мама и бабушка.

В третий раз он пришел также ночью. Бабушка объяснила, что я уже просил есть. Военврач только посветил на меня фонариком, сказал «Gut» и ушел. Повторим, что приходил военврач только ночью, видимо, непростое это дело - сохранить репутацию армейского офицера, спасая детей противной стороны. Живший в соседней комнате офицер военврача не

видел ни разу. Как бы то ни было, мне есть за что благодарить этих добрых людей: военврача, имени которого я не знаю, Вилли и Курта. Кто его знает, как сложились их судьбы, ведь это было в начале января 1943 года.

Уже после оккупации бабушка рассказала мне всю эту историю подробно. При этом она крестилась и просила Господа Бога даровать благополучие моим спасителям. Своим - ещё детским - умишком, я уже тогда понял, что не все немцы - фашисты.

Общий лик фашизма проявлялся и в нашем городе. Были расстреляны подпольщики, потом уже мама читала в местной газете сообщение о замученных, расстрелянных, сброшенных в братские могилы.

Еще через день меня в одеяле вынесли на улицу, но ненадолго. На Крещение, 19 января, я уже сидел со всеми за столом. Ужинали. По христианскому обычаю ели кутью из вареной пшеницы. Раздался грохот, с потолка посыпалась штукатурка, но оконные стекла остались целыми, так как их прикрывали ставнями. Сначала подумали, что началась бомбёжка, возможно, наши самолеты прилетели сбросить свой груз на немецкие тылы. Первым решением было: уходить! Бабушка сказала маме: «Собирайтесь», - а сама взялась за укладку самого необходимого. Но взрывы не повторились. Сели за стол, закончили ужин.

Утром узнали, что немцы уже ведут активную подготовку к отступлению. Фабрику заминировали, наиболее ценное погрузили в вагоны и увезли. Оставался небольшой склад боеприпасов, в основном, наших авиабомб, оставшихся от состава. Вот его и подорвали. Рассказывали, что провели эту операцию весьма просто: из пушки, которую поставили на дороге, то есть на улице Шевченко, примерно напротив теперешней оранжереи, дали залп по куче авиабомб. На месте взрыва образовалась воронка в форме конуса, громадных для моего тогдашнего воображения размеров. Боюсь ошибиться, назову примерно: глубина ее составила метров 12-15, в поперечнике не более 40 метров. Со временем стенки воронки осыпались, но на дне всегда стояла вода. Засыпали полностью воронку только в 1949 году, когда там начали какое-то строительство.

Утром 23 января с конного отошла последняя машина с немцами. Они погрузились в крытую грузовую машину, последний ряд сидящих в машине хорошо мне запомнился. Только машина вышла за ворота, как женщины мокрыми тряпками стали стирать надписи мелом на дверях, которые немцы сделали утром. Что там было написано, не знаю.

За два дня до этого я стал эпицентром курьезного события, которое могло бы кончиться для меня плачевно. Я уже оправился, ходил и смотрел. В комнате

офицера я увидел коробку в форме фасоли из легкого металла. Улучив момент, я, предварительно одевшись, схватил ее, сунул за пазуху и побежал на канаву. Там открыл. Это была стандартная упаковка пистолетных патронов. Патроны я высыпал в прорубь, коробку спрятал.

Случай этот давал мне повод после войны, повзрослев, шутить в том плане, что только моя помощь, мой «удар» по материальному обеспечению немецкой армии позволил выбить их из Северного Кавказа!

Но тогда обстановка складывалась нешуточная. Домой я вернулся часа через два. Уже в сенях я услышал сердитый, едва не лающий голос офицера и оправдывающийся голос бабушки. Осторожно открыл дверь из сеней в комнату и просунул голову. Бабушка ползала на коленях с кочергой в руке и выгребала всё, что было под шкафами, кроватью. Она только глянула через плечо на мою физиономию и все поняла, теперь все стало ясно, куда «закатилась» коробка с патронами. Энергично и выразительно махнув мне рукой: «Смывайся, мол!» - продолжила поиски. Я удрал. До вечера проторчал во дворе, наблюдая за погрузкой немцев, забегая то к одним, то к другим соседям погреться. Только после того, как Вилли вытащил из квартиры ящики и чемоданы да погрузил их в машину, сам сел рядом с водителем и уехал, я отважился зайти в комнату. Бабушка сидела на табурете спиной ко мне. Руки бессильно опущены, она покачала головой и ничего не сказала.

Коробочка же долго у нас жила, очень долго. Пока жива была бабушка, там лежали ее очки, потом какие-то квитанции, справки. Место ей определили в ящике большого обеденного стола. Последний раз эту коробочку я видел в 1980 году, на Краснокубанском переулке. На улице Морозова я уже её не видел.

С приходом наших началось восстановление фабрики. До начала техпроцесса пройдет ещё немало времени, надо расчищать завалы, восстанавливать корпус.

Маму, как живущую на конном дворе, определили конюхом. Лошадей осталось много. Были трофейные обозные, были наши, выбракованные из кавалерии и обозов. В гараже остались две или три трофейные избитые машины. Основным транспортом внутри фабрики оставался гужевой.

Но лошади появились там не табуном. Их набирали постепенно. Одним из первых на конюшне появился конь Атаман. Громадный! Не знаю, как специалисты назвали бы его масть, я помню его ярко коричневым, аж красным. Добрый конь, но слепой. Много таких коней-инвалидов работало в ту пору. Не одни люди лишались зрения, и животным доставалось. Но в упряжке Атаман шел очень уверенно. Это первый конь, на которого мне разрешили забраться! «Повод держи в натяжку, - напутствовали бабушка, - он же слепой».

Весной маме, как конюху, разрешили взять пароконку, чтоб привезти сено. Ехали втроем: мама, Нина и я. Первый раз МНЕ доверили вожжи! В городе к нам присоединился дядя Фёдор. Где-то за городом купили копну сена, привезли на фабрику.

СВЕДЕНИЯ

по Ставропольскому краю о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов.

Наименование областей, городов и районов Ставропольского края.	Количество поступивших заявлений.	Убито мирных граждан.	Убито военнопленных.	Угнано в немецкие концлагеря.
1. Карачаевская А.О.	6	895	-	-
2. Черкесская А.О.	4	2421	-	98
3. Кабардинский округ	4	5	-	-
4. гор. Ставрополь	1	5500	-	98
5. гор. Восточный	1	11	-	-
6. гор. Железноводск	1	16	-	-
7. гор. Кисловодск	1	404	-	-
8. Гор. Мин. Воды	1	6817	-	-
9. гор. Петитгорск	1	347	17	-
10. Александровский р-н	1	4	-	-
11. Апанасенковский "	1	642	18	22
12. Апанасенковский "	4	56	5	-
13. Апполоновский "	2	150	-	-
14. Арагвский "	1	695	-	-
15. Архангельский "	1	318	-	-
16. Благодарненский "	5	273	1	-
17. Буденновский "	1	1742	-	10
18. Вурцбургский "	5	112	3	-
19. Ворошиловский "	5	343	-	-
20. Ворон. Александровский	3	240	-	-
21. Георгиевский р-н	1	2800	-	67
22. Геленджикский "	1	22	-	7
23. Горячеводский "	3	55	15	10
24. Дингуровский "	2	379	-	-
25. Егорлыкский "	1	575	1	-
26. Исаевский "	1	213	5	-

Сведения по Ставропольскому краю о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов.
[Ноябрь 1943 года].
Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р-1368, оп.1, л.8, л.6-7.

К весне пришло письмо от папы, арестованного как «врага народа» накануне оккупации. Сообщил, что живой, работает, делает «гостинцы» для немцев. Из других намёков можно было понять, что он в Сибири, обратный адрес – только «п/я».

Мы с Ниной прыгали от радости: «Папа жив!» Мне хотелось выскочить во двор и поделиться такой радостью с каждым встречным. Бабушка остудила наш «телячий» восторг: «Слава тебе, Господи, жив. Молитесь, детки, чтоб живым и домой вернулся». Помолчала. «Говорить всем не надо, кому надо - узнают», - закончила она. Мудро.

Учительница Нины Лидия Ивановна Кольцова, она же мама друга детства Вити,

научила Нину отвечать на вопрос «где отец?» - «Работает на военном заводе». Статус понятия «военный завод» стоял весьма высоко, вопросов после этого почти не задавали. Однако шила в мешке не утаишь. Хотя после оккупации на фабрике прибавилось много новых рабочих, костяк остался. Знали... Просто для нас, детей, произносить легче: «военный завод» - не тюрьма. А многим очень нравилось смотреть, как мы отводим при этом глаза. Были и такие, что поправляли.

Летом почти весь персонал конного двора отправился на сенокос. Косили на Невинской горе, где-то в районе Тимофеевки, будто бы в Воротней балке (при подъезде к ней со стороны Невинки расположились два холма, создавая впечатление опор ворот, отсюда и название балки). Мама брала с собой и меня. Кормёжка государственная. Кашу варили из зерна пшеницы; разваренная, горячая, лучком приправленная, какой же она была вкусной! Вручную косили мало. Работали две косилки на конной тяге, лошади есть, солнышко светит, трава сохнет быстро. Успевай грести, копнить да стоговать. Гребли вручную, конные гребли появились на фабрике позже.

Организация труда отменная, сейчас бы ей позавидовал любой бригадир в колхозе. Конечно же, туда назначался старший. Однако этот старший не сидел в тени балагана, не считал пальцем копы, не устраивал разносы. Не помню его имени, человек пожилой, болезненного вида. Помню его то с косой среди косарей, то с граблями среди копнильщиков. Завтракали холодным, оставшимся от ужина, и шли работать до обеда. При готовности обеда на высокий шест поднималась чья-то рубашка, и по этому поводу у взрослых не иссякали всяческие шутки и намеки. После обеда долго не засиживались. Уходили по своим местам и работали также до ужина, готовность которого определялась по сигнальному шесту. Рабочий день длился не менее 12 часов. Хотя и фабрика, но законы на покосе утвердились сельские. Никто не роптал, не отлынивал.

Воин Красной Армии кормит ребенка. Б.л.

Государственный архив Ставропольского края. НСБ, инв. № 10682, л.13.

В годы советской власти, особенно последние, селу помогали иначе. Собрались к восьми часам. Подали автобусы. Прибыли, осмотрелись, начали работать. Время обеда. Сели обедать. За обедом обязательно по стопочке, ведь на природе же! После обеда со стопочкой – какая там работа?!

Работали б тогда, в военное и послевоенное время, по часам, остатки коней подошли бы. Среди фабричных “косарей” работало немало таких, что ни вилы, ни грабли в руках не держали. Мама выделялась крестьянской хваткой и смекалкой. Там одна работница пошутила: «Ты, Алексеевна, полегче, а то, чего доброго, в колхозе оставят». Меня кормили из общего котла. Свою порцию я отрабатывал сполна: отогнать и подогнать лошадей (косилки оставляли на гонах, лошадей путали и отпускали, за ночь они отходили далеко). Поддерживать огонь в печке - тоже моя работа, да мало ли какой мелочовки на стане косарей. Игрушек там не держали. Взрослые не отвлекались по мелочам: малые работы выполняли малые работники. Такое было время».

Запись 2015г. х.Мищенский

2017 год объявлен в России годом экологии и заповедных мест. Центром музейной педагогики в связи с этим запланированы несколько мероприятий. Среди них выставки: «Заповедными тропами Кавказа», «Николай Яковлевич Динник – исследователь природы Кавказа» (к 170-летию учёного), «Природа Кавказского заповедника», а также туристские походы по живописным местам Западного Кавказа, кинолекторий, знакомящий школьников с заповедниками Северного Кавказа и т.д.

В выставочном зале школы начала работу выставка «Заповедными тропами Кавказа», на которой можно ознакомиться с историей старейших российских заповедников, и в первую очередь, Кавказского государственного биосферного заповедника им. Х.Г. Шапошникова и Тебердинского заповедника.

На выставке представлены книги о заповедниках, о людях, изучавших природу Кавказа, карты, фотографии, сделанные казминскими туристами и краеведами во время походов по Кавказскому заповеднику, сувениры, отчёты о походах

заповедными тропами. Отдельные разделы выставки повествуют об исследователях Кавказских гор: гляциологе, ботанике, зоологе Н.Диннике, топографе А.Пастухове, исследователе, альпинисте и писателе В.Корзуне, географе и писателе Ю.Ефремове, - а также о деятельности Кавказского горного общества по изучению природы региона.

Привлекают внимание посетителей редкие книжные издания 1920-1950-х годов (например, первые выпуски «Трудов Кавказского

государственного заповедника»), многочисленные путеводители по горам Кавказа, фотоальбомы «Озеро Кардывач», «Кабардино-Балкария», «Озера Кавказского заповедника», почтовые марки,

значки. Примечательно, что открытие выставки было приурочено ко Дню заповедников и заповедных мест, ежегодно отмечаемом 11 января.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ЧЛЕНОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

27 января 2017 года в Ставрополе состоялось общее собрание Ставропольского регионального отделения Российского военно-исторического общества. Подведены итоги первого года работы и определены задачи на 2017 год.

К участникам собрания обратился Губернатор Владимир Владимиров. Глава края отметил символичность того, что встреча состоялась в день 73-й годовщины окончания блокады Ленинграда. Он напомнил о произошедших несколько лет назад и вызвавших общественный резонанс попытках спекуляций на вопросе обоснованности защиты города от фашистских захватчиков.

- Сегодняшняя встреча, как и все предыдущие, посвящены защите

нашей истории от таких посягательств, - подчеркнул в связи с этим Владимир Владимиров значимость работы военно-исторического общества. Вместе с тем, по словам Губернатора, сохранению исторической памяти и

укреплению связи между поколениями может помочь каждый. Владимир Владимиров поделился собственным опытом: рассказал, что на встречи с ветеранами Великой Отечественной – Героями Советского Союза берет с собой своего сына-дошкольника.

- Фотографии и память об этих людях останутся с ним навсегда. И уже во взрослые годы мой сын будет с гордостью вспоминать о них и показывать эти фото своим детям. Убежден, что так мы укрепляем связь

с прошлым и формируем будущее нашей страны на многие десятилетия, - отметил Губернатор.

Глава края призвал членов регионального отделения к активному участию в подготовке Ставрополя к 72-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Одним из ключевых направлений здесь является вовлечение нового поколения в посвященные Дню Победы мероприятия. С приветственным словом к участникам встречи также обратился председатель Думы края Геннадий Ягубов.

О проделанной за год работе участников собрания проинформировала член общества, научный сотрудник Ставропольского краевого музея им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Паве Галина Каменева. Она сообщила, что с момента образования

число членов регионального отделения выросло в 6,5 раз и составляет на сегодняшний день 85 человек. В их числе представители Правительства и Думы края, патриотических клубов, общественные активисты и многие другие.

Сегодня отделение ведёт работу по нескольким основным направлениям, в том числе – созданию и реставрации памятников. Так, в 2016 году был открыт памятник Советскому Солдату в Минеральных Водах, бюсты поэту М.Ю. Лермонтову и русскому полководцу А.В. Суворову, установлены 83 мемориальные доски героям Великой Отечественной войны. В завершающей стадии создание памятника казачьему атаману М.И. Платову, его открытие запланировано на весну этого года. Обсуждены планы по дальнейшему развитию общества на Ставрополье, в том числе – по увеличению числа его участников, созданию сети местных отделений в городах и районах края.

Собрание провел председатель Ставропольского регионального отделения Российского военно-исторического общества Сергей Шевелев.

ИИЦ "БЕЗ НАЗВАНИЯ"